

Священник Николай ТОЛСТИКОВ

Родился в 1958 году в городе Кадникове Вологодской области. После службы в армии работал в районной газете. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (семинар Владимира Орлова) и Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. В настоящее время – священник храма святителя Николая во Владычной слободе города Вологды. За многолетнюю службу и храмостроительство удостоен патриаршей награды – ордена преподобного Серафима Саровского и епархиальной – медали преподобного Димитрия Прилуцкого.

Публиковался в журналах «Север», «Сибирские огни», «Дон», «Южная звезда», «Венский литератор» (Австрия), в газете «Литературная Россия» и других российских и зарубежных изданиях.

Автор книг прозы «Пожинатели плодов», «Без креста», «Лазарева суббота», «Приходские повести». «За образность языка в прозе» награжден медалью Василия Шукшина, учрежденной Союзом писателей России. Лауреат ряда отечественных и международных литературных конкурсов.

Член Союза писателей России. Живет в Вологде.

БЕЗ РОДУ-ПЛЕМЕНИ

Маленькая повесть

1

Злые брехучие языки в Городке твердили, что школьный словесник Артур развелся с женой и ушел в старый родительский дом помирать и что на усыновленного ребенка он исправно платит бывшей супружнице алименты. И были правы...

Засидевшийся прочно в холостяках Артур стал приглядываться к приезжей учительнице: в доме, после смерти родителей, было ему одиноко и жутковато. Новая школьная коллега была еще довольно юной, но уже в студентках прижила ребеночка и как-то оказалась после института в Городке. Бабешка востроглазая, однажды разок обожглась и теперь своего ни за что не упустит – злопыхали сплетники.

Артур и не заметил, как его охомутали – видный все-таки мужчина, пусть и немолодой. Чем-то походила Алена на Вику, давнюю первую любовь, но жаль – оказалось это только внешне. Жила Алена в рабочем общежитии – проходном дворе, зазвала она как-то раз в гости провожающего ее вечером после второй школьной смены Артура. В соседней комнате разгулялась пьяная компания: Алена после каждого разудалого выкрика за стенкой испуганно вздрагивала и умоляюще смотрела на своего гостя. Ему пришлось остаться до утра.

Сотворилось все будто в каком-то тумане, перед этим и сами они выпили – у Алены бутылка вина нашлась. Артур, лежа в постели рядом с Аленой, на мгновение задремал – привиделись ему удивленно распахнутые глаза Вики...

Все было решено, иначе он и не поступил бы: отвел Алену под руку в загс.

А тут еще квартира при школе для молодоженов освободилась. Алена привезла из другого города трехлетнего сынишку, и Артур, к изумлению обывателей, тотчас же его законно усыновил.

Подивились бы в Городке этому супружескому союзу – все-таки на двадцать с лишним годков разница, посплетничали бы да и поуспокоились потом: живут вместе люди и ладно. Вот только неожиданная семейная жизнь Артура с самого начала не задалась...

Не успел он еще мало-мальски к мальчонке попривыкнуть и тот, стало быть, привязаться к новому папе, как заявились дед с бабкой с «той» стороны, возжелали приласкать, понянчить внучка. Проснулось родительское чувство в «биологическом» отце – стал наведываться прыщавый парнишечка чаще и чаще, поселяясь в местном клоповнике – Доме колхозника, подкарауливая Алену с сынишкой по дороге из детского садика. Потом они по хорошей погоде гуляли где-то долго допоздна; отец на руках приносил к крылечку спящего сына. Алена перехватывала у него мальчугана и, украдкой чмокнув в щеку бывшего дружка-любовника, спешила прошмыгнуть в открытую дверь мимо Артура, стоявшего молча у порога. Он все видел в окно и чувствовал себя не как муж, а как отец, подглядывающий ревниво за припозднившейся с гулянки взрослой дочерью...

Надо ли радоваться подступившей болезни, но в ней Артур увидел выход. Срочную он служил в ракетных войсках и где-то на полигоне, не ведая об этом, хватанул дозу облучения. Поначалу болезнь крови особо не донимала, не доканывала, Артур, подкрепляя здоровье, ездил летним отпуском в санатории, и только уж потом, после сороковника, стал вылеживаться и по больницам. Худо-бедно он выправлялся, а вот в последний раз лечащий врач, настораживая Артура, уклончиво отвел в сторону взгляд...

Но в школе начинались каникулы.

2

Дом Артура стоял от городской окраины на отшибе, на речном мысу. Строили его наспех, из бруса, ладя под какую-то контору, и получился он суший барак баракком с нахлобученной плоской крышей. Большие окна тепло не держали, пронизывали домище суровые сквозняки, и конторский изнеженный люд скоро переселился по другому адресу, а дом отдали под квартиру большой семье Поповых.

Отец, учитель математики и по совместительству трудовик, законопатил паклей все щели, печи сам сумел переложить, и теперь грели они напропалую – ребятишки в одних рубашонках по избе носились.

Отец и Михаил Иванович, историк, хотя и в одной школе преподавали, и были свояками, но явно не дружили.

В праздник, а в День Победы и всегда, Михаил Иванович, уже слегка навеселе, наведывался к Поповым. В руке болталась авоська с поллитровкой, под мышкой зажата балалайка; грузный, как медведь, Михаил Иванович протискивался в проем двери с приветственным возгласом.

Александру Васильевичу, отцу Артура, он был полной противоположностью. Сухонький, с головой обметанной седым пухом, конфузливо морщась, отец не по-хозяйски жался в дальнем углу за столом, терпеливо выслушивая какую-нибудь историю Михаила Ивановича, который то и дело громко всохатывал, так что отголоски его смеха долго еще метались по комнатам дома.

Однажды Михаил Иванович отца ненароком сильно обидел. Случилось это из-за Мишки-младшего, Артурова ровесника. Артур тогда доучивался на последнем курсе пединститута, старшие его братья давно разъехались по разным городам и обзавелись семьями, лишь единственный отпрыск Михаила Ивановича болтался – не пришей кобыле хвост. Пробовал парень где-то учиться, но неизменно скисал, учебу забрасывал. Рискнул как-то уехать подальше от дома и поступить в кинотехникум в Загорске, над Михаилом Ивановичем земляки еще подтрунивали: дескать, сынок-то твой в попы ударился! Михаил Иванович как заядлый атеист поначалу отшучивался, терпеливо убеждая всех в том, что его сын в кинемеханики подался, но никак не в служители культа, потом злился, отходил прочь, чертыхаясь, от остряков. Впрочем, длилось это недолго – кинематографическая стезя Мишку не увлекла, и он благополучно вернулся домой.

Вот тогда, в очередной праздник за бутылочкой, и попенял Михаил Иванович отцу Артура:

– Тебе, Александр Васильевич, хорошо! На войну тебя не взяли, сидел ты в тылу да преспокойно ребят кропал и растил. Потому и умные они у тебя. А я после войны одного сподобился соорудить, и то – оболтуса!

Михаил Иванович так ляпнул, видно, в сердцах на своего отпрыска, не думая обидеть сотрапезника, но отец потом переживал сказанное, глотая сердечные капли. Перед самой войной он, искупавшись в половодье в ледяной воде, заболел туберкулезом, потому на фронт и не попал, но и в тылу лиха хватил, едва выправился. Михаил Иванович скромно провоевал рядовым в войсках химзащиты, вернулся без царапинки и женился на младшей сестре жены Александра Васильевича.

Мишка был запоздалым долгожданным ребенком...

Отец после того запальчивого, не подумавши сказанного упрека, избегал общества свояка, в праздник уходил из дома с раннего утра, но потом, видимо, простил все-таки искренне недоумевающего родственника. И все же настроенно и зажато сидел за столом, пока выпитые рюмочки не делали свое дело. Отец отмякал, начинал улыбаться в ответ на балагурство Михаила Ивановича. Потом они оба уходили на лавочку в прибрежных зарослях ивы в дальнем углу огорода. Михаил Иванович, тренькая на балалайке, надтреснутым баритоном напевал про золотые горы; Александр Васильевич тихонько подтягивал ему. Здесь, в ивняке, вряд ли бы кто увидел и осудил двух старых учителей, понуривших посеребренные сединой головы, вспоминая далекую деревенскую юность.

Зинаида Петровна, худощавая женщина с болезненным лицом, супруга Михаила Ивановича, обычно приходила к концу посиделок. В компании старшей сестры, матери Артура, чаевничала она обычно молча, терпеливо дожидаясь, пока муж набренчит на балалайке. А если и заговаривала, то о ничего не значащих пустяках.

В глаза друг дружке сестры старались не заглядывать: чувствовалась будто какая-то виноватость между ними. Словно хотели они о чем-то

важном и наболевшем переговорить, но не решались или просто боялись. А почему – так и оставалось тайной.

3

Артур с двоюродником Мишкой виделись редко, и то как не родня. Чистюля Артур, до синевы выбритый, в отутюженном костюме, при галстукке, чинно вышагивая по улице, издали замечал топчущегося неуклюжим чумазым раскорякой Мишку где-нибудь на перекрестке. Свернув в проулок, он норовил непутевого братца обойти, а уж когда это не удавалось, торопливо, мимоходом пробегая, кивал ему. Мишка провожал Артура недоуменным жалобным взглядом.

Братец, как и в юности, тыкался-мыкался туда-сюда, начинал дело и тут же забрасывал, куда-то уезжал и еле живой возвращался. Добро ему было, покуда живы были родители. Подженивался Мишка, говорили, на чужой стороне не раз, но неизменно изгоняли его супружницы. И дома разделить с ним судьбу из женского пола никто не отчаялся, жил Мишка один в родительской квартире. Гонять по чужим краям ближе к полтиннику он отяжелел. Напоследок еще приткнулся работать связистом. Даже форсисто задирал нос в забегаловке: «Кто не любит пыль и грязь, пусть идет работать в связь!» Но закончил карьеру опять традиционно – пинком, полученным под зад. Но не унывал, труждался в последнее время землекопом в водоканале.

Артур немало удивился, когда услышал, что двоюродный братан стал захаживать в храм. «Совсем, видно, свихнулся!» – решил. Отец Артура был убежденным атеистом, в том же духе и сына воспитывал...

Мишка однажды заявился зимним вечером. Артур, прибежав по морозцу из школы, растапливал печку. Запас сухих дров заканчивался, а сырые поленья из привезенного только что воза гореть не желали. Артур извел впустую кучу берестяной растопки и целый коробок спичек. В сердцах плеснул остатки керосина из банки в топку и едва успел отпрыгнуть от пыхнувшего навстречу пламени.

В это время в сенях что-то пробрякало, кто-то брел неуверенно в потемках шаткими шагами. Дверь распахнулась, на пороге обстукивал снег с валенок Мишка.

– Ты это чего, братец? – он, изумленный, провел себе ладонями по щекам.

Артур заглянул в зеркало и побежал к рукомойнику отмывать следы копоти на лице.

– Да, живешь... вроде меня! – Мишка обвел взглядом пустынную горницу со столом посередине, с солдатской кроватью возле печки и библиотекой во всю стену до потолка, где книги теснились на неструганных досках-полках.

Был Мишуня явно навеселе, долго не церемонясь и не ожидая особого приглашения, скинул с плеч ватник, сел за стол и торжественно выставил пол-литра.

– Слышал я, что приболел ты, брат, вот и решил поведать.

Артур еще топтался в замешательстве, сунулся было печку дальше расщуривать, но дрова, чадя и щелкая, уже разгорелись.

– Так ты это... – Мишка распечатал бутылку. – Притащи стаканчики да че-нито занюхать! Выпьем – учителя тоже люди! Глядишь, и полегчает тебе...

Артур сел напротив и, морщась, поддержал компанию.

Разговор этот затеял опять-таки Мишка...

С того вечера он стал заходить к Артуру частенько, когда посидеть и поразглагольствовать за бутылочкой, а когда и просто на пять минут попроведать – жив, и слава богу!

– Ты знаешь, что мы с тобой – поповское отродье? – спросил однажды, подхихатывая, быстро подзахмелевший Мишка.

В ответ Артур пожал плечами: как-то родители об этом никогда не говорили, да и сам не интересовался.

– Прадед наш Николай был священником, настоятелем храма в городе, а наши матери, стало быть, ему внучками приходились. – продолжил Мишка. – В тридцать седьмом прадедов храм коммуняки закрыли, самого попа на улицу выгнали. А потом и вовсе арестовали как врага народа. Будто попы местные заговор против власти составили... Сын и вся его семейка от отца отреклись публично, через газету. Шкуру, что ль, свою спасали?

– А что дальше с прадедом было?

– Что-что. Говорят, шлепнули его вместе с двумя десятками попов и диаконов да закопали где-то в урочище на Поповых горах.

– Откуда об этом знаешь?

– Мать перед кончиной рассказала. То, что они из поповской-то породы, скрывали всю жизнь, боялись. Я после того и в храм иногда захожу, свечки за упокой ставлю... Потому так и живем, что не помним и не знаем ничего. Как безродные!

После ухода Мишки Артур, не раздеваясь, забрался на кровать и, пытаясь согреться под одеялом, долго не мог уснуть, раздумывая. Почему-то вспомнилось, как переглядывались при редких встречах мать с родной сестрой – быстро и сразу потупив виновато глаза. О Боге, о церкви в доме никогда не звучало ни словечка, как и прадеда-священника не поминали. Отреклись, видимо, напрочь. Да и с Артуром если б кто завел разговор о «божественном», посмотрел бы он на того как на помешанного.

Заныло вдруг все тело, стало мутить – опять подступала болезнь, но вскоре поотпустило, и разлившаяся слабость перешла в дремоту: «Как, интересно, выглядел он, прадед-священник?..»

4

Священник-старик, подоткнув за пояс полы поношенного, с заплатками, подрясника, опираясь на клюшку, отважно преодолевал лужи, разлитые по дороге осенними дождями.

Этот путь, через весь город, из заречья и до единственного, еще не закрытого властями кладбищенского храма, отец Николай проделывал почти каждое утро, пропускал только, уж когда совсем нездоровилось. Храм, где он прослужил настоятелем не один десяток лет, теперь был обращен в пересыльную тюрьму; отобрали и дом у старого попа. Отец Николай, собрав в узел нехитрые пожитки, вышел из дома без ропота: матушка давно в Царствии Небесном, детки – взрослые и живут отдельно своими семьями. Постоял старик у церковной ограды, опутанной поверху колючей проволокой, и идти ему было некуда и не к кому. Дети отказались от отца публично, через газету: «Отрекаемся напрочь от поповского сословия!» Он не осуждал их: хоть так попытались спастись. А спасут ли душу? – мысль эту старик старался отогнать. Бог им судья. Не к ним же на жительство проситься, подводить их.

Топчущегося в замешательстве священника окликнула старушка-просфорница:

– Батюшка, не горюй! Найду для тебя угол, куда притулиться!

Мир не без добрых людей...

Комок земли ударил отца Николая по спине: от неожиданности старик споткнулся и под улюлюканье мальчишек едва не упал ничком в лужу. Пацаны, окружив старика, прыгали, ровно бесенята; было их с полдесятка.

– Замарашкин! – дразнились они.

Комья грязи полетели опять.

Уже не первый раз хулиганы подкарауливали батюшку на мосту, улюлюкали, кривляясь, строили рожи, выкрикивая, наверно, им самим непонятные обидные слова: «Туняедец, мракобес!..»

Научил кто-то. Но чтоб грязью кидались...

Старик беспомощно закрыл руками лицо, бормоча: «Что вы, чадушки?! Разве можно так-то?»

Батюшке заляпали грязью весь подрясник, даже с полей шляпы скатывались ошметки, когда вдруг рядом пророкотал знакомый бас:

– А ну брысь, охломоны!

И тотчас вторил ему щенячий взвизг:

– Пусти, дяденька!

Неподалеку стоял и прочно держал за ухо долговязого парня диакон Суворов. Этот парень, постарше прочих, топтался в сторонке и, похикивая, науськивал мелюзгу. Напуганная диаконским рыком пацанва бросилась врассыпную; заводиле диакон крутанул ухо и легким шлепком отправил вслед за остальными.

Александра Суворова в округе хулиганствующие, да и не только они, побаивались. Поповского сына силушкой бог не обидел, острым и метким языком – тоже. Наверное, из-за второго свойства Алексашка прочно и, похоже, навсегда застрял в диаконах: брякал, не церемонясь и не осторожничая, правду. А хулиганам он дал крутой окорот. Здесь же, на мосту, зимним сумеречным утром спешащего на службу диакона подстерегли трое грабителей – не желторотых юнцов, а крепких мужиков. С диакона попытались содрать теплую рясу с меховым воротником, видимо, приняв ее за богатую шубу, но с единственным наследством, оставшимся от отца, Александр не пожелал так просто расставаться. Его кулаки размером с хорошую детскую голову скоро усмирили грабителей. Один собрался пырнуть диакона ножом, но Александр завернул руку бедолаге и перебросил его через перила моста – тот, шлепнувшись на лед, заскулил и, корчась от боли, тоже дал ходу.

Диакон вытер горстью снега покарябанное лицо и поторопился на службу.

Кто-то, может, видел, как он разделялся с грабителями, или сам он где похвастал – поговорить за чаркой Александр был любитель, но упрекнул его однажды один «младостарец». Мол, мог бы и со смирением тумачи стерпеть и рясу, как последнюю рубашку, поступая по-братски, отдать, на что диакон, ухмыляясь, отвечивал: «Бог-то Бог, да сам будь не плох!»

И вот сейчас своими ручищами легко извлек старца из лужи, заботливо отряхнул:

– Тебя, отченька, впрямь как первомученика протодиакона Стефана иудеи попотчевали... Хоть не камнями, и то ладно!

– Что творится на белом свете! Думал ли, что доживу! – едва поспевая за шагавшим вразвалку, будто медведь, диаконом плачущим голосом причитал отец Николай. – Я ведь крестил их младенцами, родителей их крестил...

– Бес их закрутил! – сурово буркнул диакон.

Отца Николая в народе прозвали «скорым воспомоществованием». В любую непогоду или стужу он шел на требы к своим прихожанам – больного причастить Святых Христовых Тайн, а кого и в последний путь напутствовать. Бывало, и ночью спешил, коли требовалось незамедлительно, только мелькал свет фонаря – «летучей мыши» – в его руке в глухих городских закоулках.

Все прошло... И люди теперь стали бояться к священнику даже приблизиться. Как к прокаженному.

5

В епархии ожидали приезда нового архиерея...

Прежний, преосвященный Стефан не пробыл на кафедре и двух лет, как и его предшественник. Кафедра долго «вдовствовала», и прибывшему древнему старцу все радовались – уж его-то, надеялись, власти не тронут.

Не уберется владыка...

Теперь, в тридцать седьмом, не в двадцатых – прямо посреди службы в храме священнослужителей не арестовывали хмурые дядьки в кожанках. За преосвященным Стефаном даже «воронок» не послали ночью; отправили нарочного с повесткой явиться владыке в управление НКВД.

Хотя еще и не наступил Великий пост, старец архиерей на последней своей литургии, прощаясь, с солеи земно поклонился народу. И еще перед этим возложил на голову протоиерею Николаю, почти своему ровеснику, давнюю, не полученную вовремя от патриарха Тихона, награду – митру, подумав с горечью, когда хор подхватил громогласно «Аксиос!» – вот и еще один мученический венец в такие преклонные лета служителю Господню принимать.

Из епархиального управления он убрел поутру, опираясь на посох и плечо келейника, и назад не вернулся...

Ильинский храм, куда добирались пешком через весь город протоиерей Николай с диаконом, остался единственным, где еще правили службу.

До начала вечерни выпадало время, и они свернули к небольшому домику на краю погоста – просфорне и покоям отца настоятеля. Настоятель отец Василий Аполлосов был не поклонник роскоши в своем «покое» – в узкой, похожей на пенал, комнате в красном углу теплился огонек лампадки перед иконами, тянулись лавки вдоль стен да стол громоздился посередине.

По столешнице расстелен лист бумаги с наспех набросанным чертежом. Над ним склонился отец Василий – высокий, с поджарой фигурой, с залысинами на голове и редкой, с проседью, бородкой, обрамляющей широкие скулы. Навстречу вошедшим он сердито блеснул стеклышками очков.

– Вот поглядите! – кивнул на чертеж. – Слухи явью стали!

Слухи разносились по городу меж тем давно: будто бы прямиком по погосту власти собрались прокладывать железнодорожную ветку. Кре-

сты и памятники пустили бы под бульдозер, и почти вплотную к стене храма стали бы носиться, гудя, паровозы, волоча за собой вереницу вагонов.

Отец Василий благословил сбор подписей прихожан против грядущего святотатства. Поначалу в приходском совете сомневались – не побоятся ли люди подписываться, но нет: набралась целая стопка испещренных закорючками подписей листов.

С ходатайством и с этой подписной папкой отец Василий поспешил в приемную к новому архиерею, но тот и не подумал его принять. Недосуг.

– Побоялся! Доложили уж соглядатаи! – усмехнулся диакон. – Только-только из столицы к нам, грешным, приехал и остерегается, чтобы вслед за владыкой Стефаном дальше, на севера, не отправили.

Диакон сам успел на «северах» покуковать, но недолго, с год. На Пасху на крестном ходу комсомольцы бузу затеяли; диакон попытался их утихомирить и, видно, кому-то по уху невзначай заехал. Политическую статью не раздули, но отправили в лагерь как за мелкое хулиганство.

Пока диакон валил лес, неведомо куда подались из города диаконица с малолетним сыном. Возвратившийся муж и отец искать их не намерился, любопытным про свою супружницу отвечал: Бог ей судья. И к диаконскому служению он то ли охладел, то ли архиерей на то благословения не дал, только приходил теперь диакон петь на клиросе. Облаченным в подрясник никто его больше не видел, прежних гривы волос и бородищи он не отрастил – жесткий ежик на голове и три волосинки на подбородке.

Зарабатывал на жизнь диакон грузчиком в речном порту, ходил в затрапезной одежке. Кое-кто из знакомых прихожан грешным делом стал подумывать, что не в обновленцы ли он подался, а то и вовсе в расстриги.

– Меня еще и в оперу петь приглашают! – подзуживал он излишне любопытных.

Настоятеля храма, выпускника столичной академии, отец Николай уважительно побаивался, пусть тот был и много моложе по годам. И что б ни говорил, старик, напрягая слух, кивал согласо.

– Мало что погост снесут, но и храм, последний в городе, закроют! А то и на кирпичи разберут, – возмущался отец Василий. – Нарочно же все это задумано... Надо с нашим письмом в Москву во ВЦИК к самому Калинин обратиться!

– О Господи! – испуганно перекрестился отец Николай. – В самое-то пекло! Да и как еще архиерей на это посмотрит? Да и поедет кто, найдется ли отчаянная головушка?..

Нового архиерея ждали на днях: не мог он минуть единственный городской храм.

От торжественной встречи он заранее почему-то отказался, торопливо прошел в алтарь, благословил служителей и, кутаясь в теплую рясу, болезненно нахохлившись, молча просидел в креслице возле престола всю службу. Поглядывал на священников поверх стеклышек очков в золоченой оправе настороженно, точно ожидая чего-то. Был архиерей в годах, с редкой щетинкой бородки на холемом лице; слух шел – вышел он из вдовых протоиереев, так что церемониться особо с братьями не привык. Да и знал, наверное, обо всем: успели доложить.

Едва по окончании службы отец Василий подошел к архиерею со стопкой подписных листов и начал зачитывать письмо, но тот протестующе выставил перед собой ладони и негромко сказал:

– Это – самоубийство! Разве вы не понимаете?..

Он поднялся с кресла и, оглядываясь, вышел из алтаря боковой диаконской дверью, как и зашел. Нахмуренный отец Василий не подошел к нему под благословение. Глядя на настоятеля, и диакон не стронулся с места, только отец Николай двинулся было вслед за владыкой, но затоптался на месте, тяжело вздыхая: «Не к добру...»

6

Клава оказалась женщиной крупной и рослой, чуть ли не на полголовы выше Артура. Короткая стрижка, прелести фигуры плотно облегает ткань спортивного костюма. Из переполненного автобуса Клава неловко и грузно вывалилась прямо на руки Артуру, едва не сшибив его с ног. На фото на сайте знакомств она выглядела куда стройнее и моложе.

Опять ведь Мишка-баламут присоветовал!

«Что тебе холостяковать... Зайди на сайт знакомств, так же в интернете, бывает, торчишь! Я бы попробовал сам, да компьютера нет, не по карману занять, на другое денежки уходят».

У Артура был подержанный ноутбук для подготовки к урокам в школе. И вот однажды он решил использовать технику не по назначению...

– Куда пойдем, мужчинка? – низким грудным голосом спросила новая знакомая.

Артур не нашелся, что и ответить, ощущая себя перед ней вроде замухрышки, заперетаптывался нерешительно с ноги на ногу, невольно кося взглядом на колышущие под тонкой тканью майки внушительных размеров полукружия груди.

– Тогда – на бережок?! – усмехнувшись, предложила Клава. – Веди, Сусанин!

Артур, семена мелкими шажками сбоку ее и пытаюсь приноровиться под размашистый, неженский шаг новой знакомой, мысленно оправдывался перед собой. Можно было пригласить даму в ресторан – вон он, сияет приветливо и зазывающе вывеской на другой стороне улицы, но ведь в спортивных костюмах туда не пускают. Да и, если откровенно, в кармане у Артура не «шуршало», а после уплаты очередных алиментов чуть-чуть слышно позвякивало.

Новые знакомые вскоре сошли с асфальта и побрели по едва подсушенной весенним солнцем дорожке к Полю Дураков – широкой, заросшей кустарником и мелколесьем лощине с протекающим в низине ручьем и стиснутой со всех сторон облезлыми коробками пятиэтажек. В горбачевские времена здесь функционировала единственная на всю округу казенка. Ватаги жаждущих и страждущих вели тут наступательные и оборонительные бои, и не она головушка в пьяном угаре сгинула. Потом Горби смотался в Мюнхен, Союз развалился, сухой закон в других значных точках города отменился сам собой. Зброшенную развалюху казенки растащили на дрова для костров гуляки. Название поля только и осталось.

На краю поля еще лепился неказистый комок, в котором, выжидающе взглянув на Артура и пожав плечами, Клава сама взяла пару «огнедушителей» крепкого пива.

Расположившись на лужке под кустами и основательно засосав пивка, Клава много не церемонилась: стоило Артуру нечаянно прикоснуться к ней, как она решительно притянула его к себе и смачно поцеловала в губы. Пришлось слегка ошалевшему Артуру приглашать даму к себе домой, хотя и поначалу не планировался такой оборот. Клава ловко уцепила его под руку, и по улицам города он брел, потупив взор: стеснялся столкнуться со знакомыми, но никто не попал навстречу.

Запустив Клаву в дом, Артур виновато забормотал насчет беспорядка в доме, наверняка временного, но гостью атмосфера холостяцкого быта нисколько не смутила. Клава осторожно притронулась к спинке солдатской кровати, потрясла ее:

– Не развалится?

Села и заподпрыгивала увесистым задом на жалобно заскрипевшей сетке:

– Выдержит!

Кровать и вправду была прочной, старопржежней выделки, не развалилась под натиском сцепившихся тел...

– А ты по профессии кто? – спросила Клава, одевшись и ероша ладонью ежик стриженных волос на голове.

– Педагог, – ответил Артур.

– Вот те раз! И я тоже!

7

Клава работала воспитателем в детском доме-интернате, где воспитанниками была ребятня из неблагополучных семей. Озлобленная, природой и умишком из-за алкоголиков-родителей ушибленная, нравом – палец в рот не клади. Воспитатели, бедные, сбегали при первом удобном случае, но Клава с ее каменным непрошибаемым спокойствием удержалась там надолго. Да и особо не разбегаешься на ее месте: двое спиногрызиков на шее. Потянулась за мужем в чопорную холодную Эстонию, но не прижилась там, вернулась в родной город с одними чадами. Пока обихаживала спиногрызиков, стирала пеленки, муженек с расфуфыренными землячками путался, мало ему было русской бабы. Увлечлась в пединституте залетным белобрысенским однокурсником-прибалтом, занятно растягивающим слоги в своей речи с акцентом, эх, дура и была!

Это потом, в интернате, прилепился к Клаве парнишонка из старших воспитанников. Подросткие мальчуганы относились к юному отчиму как к старшему брату, да и для Клавы он был больше сыном, чем мужем.

В детстве парень получил страшное потрясение: прямо на его глазах чужой дядька-сожигатель зарубил топором мать. Парень и до спелых лет – угрюмый, замкнутый в себе, как-то сумел привязаться к Клаве...

Клава, считай, одна тащила на своем горбу семейный груз, и из домашних ей никто не прекословил, зная, что бесполезно. Но и никто и не думал, что Клаве порою надоедало быть командиром в юбке. Ей и любви настоящей, мужской, хотелось – годики-то неумолимо прибавлялись. Иначе с чего бы она по сайтам знакомств в интернете шариться стала, когда появилась эта «зараза».

Она знакомилась с мужичками себе под годы, было интереснее, чем с молодежкой. Жаль, что пожившие на свете мужички начинали скоро выдыхаться и норовили избежать грубоватых Клавдиных ласк. Но она – от одного к другому – для того чтобы хотя бы только пивка попить да пообщаться, поразговаривать.

– На днях познакомилась с директором фирмы, пригласил меня поехать искупаться на озеро. Холодно зато еще, конечно. Но договорились завтра встретиться. Купальник вот только лопнул, а на новый денег пока нет. Авось не понадобится.

Артур угрюмо молчал, все-таки ее слова неприятно царапнули его самолюбие.

8

Диакона Александра Суворова арестовали прямо на перроне вологодского вокзала. Едва сошел он с московского поезда, двое в одинаковых кепках и пальто подхватили его под руки: пройдемте, гражданин! Что было толку дергаться: диакон понял, кто это, покорно побрел. И даже догадывался куда ведут: вон, они завиднелись темные купола без крестов собора Духова монастыря. Обезображенное нутро разгорожено на клетушки-кабинеты, где стаей ворон заседала энкавэдэшная рать, а в подвалах томились арестанты.

На входе, в каморке, задержанного сноровисто и шустро прошмонали, но не в полуподвальную камеру сопроводили, а втокнули в один из кабинетов. Сидящий за столом широкоскулый русоволосый парень вроде б как приветливо ему улыбнулся, и у диакона тоже в ответ в настороженной улыбке стали сами собой растягиваться губы. Диакон сел на привинченный к полу стул напротив следователя и от внезапного хлопка по плечу вздрогнул:

– Чует кошка, чье мясо слопала!

Яков Фраеров, старый знакомый! Невидного ростика, с черной кучерявой шевелюрой и бородкой клинышком, облаченный в форму со шпалами в петлицах, в скрипучих сапогах-хромачах.

А тогда, с год назад, Яков вызвал к себе повесткой вернувшегося из лагеря Александра будто бы для постановки на какой-то учет. Одетый в гражданку, выглядел куда попроще и убеждал диакона так вкрадчиво-доверительно, что тот, бедный, не мог и словца втиснуть в его плавную, дремотно обволакивающую речь.

– За ваш проступок – драку у храма – вы вроде бы отбыли наказание как хулиган. Но мы-то все помним и не забыли, что вам светила политическая статья, 58-я, – ровно ручеек, мерно журчал Фраеров, вперив в диакона немигающий взгляд печальных карих глаз. – Вы побили не какого-то там шаромыжника, а ударили комсомольца при выполнении задания партии! Пожалели вас тогда... Но мы можем и теперь копнуть поглубже по сути... Это же было контрреволюционное выступление! Вдруг у вас и сейчас есть сообщники в среде священнослужителей и создана контрреволюционная организация?! Если эту веревочку раскрыть... Это уже на вышку потянет. Понимаете?!

Диакон в ответ недоуменно хмыкнул, пожал плечами:

– Батюшки наши служат Господу, какая тут контрреволюция?

– А мы бы хотели, чтобы вы за ними... приглядывали, что ли. Слушали, что они говорят, например.

– Доносить? Да никогда! – возмущенный диакон даже привстал со стула.

– Вы не поняли! – опять зажурчал миролюбиво Фраеров. – В определенные дни вы будете встречаться с человеком, беседовать. Он найдет – на какие темы. Все! Это никому не навредит, уверяю вас. И мы со своей стороны вас не тронем.

«Только бы выйти отсюда! Фигушки бы вы что у меня выпытали!» – диакон обвел тоскливым взглядом серые стены кабинета.

– Подпишите протокол, – расплываясь в добродушной улыбке, Фраеров передвинул по столу к диакону лист бумаги. – Можете пока быть свободны. И надеюсь – встретимся.

Диакон торопливо, не читая, черкнул в конце писанины следователя закорючку и, сопровождаемый его насмешливым взглядом, шагнул в распахнутую конвоиром дверь.

От здания НКВД диакон припустил прочь большущими шагами, едва не натываясь на встречающих прохожих.

«Как черт от ладана!» – неудачно сравнил себя и в сердцах сплюнул. Он хотел даже обернуться и погрозить затаившемуся в монастырском парке зданию кулаком.

Скрытничать диакон не стал, рассказал обо всем отцу Василию на исповеди.

– А ты скажи им, если опять к себе потянут, что обязан просить, как и на все, благословение у настоятеля! – успокоил, улыбаясь, диакона отец Василий. – Благословит коли...

– Батюшка, не могу я пока сослужить вам у престола Божия! Грешным себя чувствую – дрогнул я тогда у следователя. Попеть бы мне пока на клиросе, благословите!

– Письмо с подписями прихожан в Москву во ВЦИК, к Калинину, повезешь! – огорошил диакона отец Василий. – И так, чтобы местные чекисты не перехватили!..

Теперь, после ареста на вокзале, «местные» разговаривали с диаконом по-другому.

– Как ты посмел, тварь этакая, мимо нас, втихомолку, в Москву прошмыгнуть?! Обязан был нам доложить, кто и за чем тебя туда послал! – Фраеров не любезничал, как в прошлый раз, уставился в глаза диакону немигающим ледяным взором. – Ты – участник контрреволюционной религиозно-монархической организации. Как мы предполагали, так это и подтвердилось. Окопались вы, вражины, в своих церквях... Назови имена других участников группы!

Александр, хоть и понимал, что ему из этих стен, возможно, не выбраться – он успел еще перекреститься перед входом в опоганенный энкавэдэшниками монастырь, но собрался с духом и нашел силы выдать на лице глуповатую непонимающую ухмылку:

– Не знаю ничего... Слыхом не слыхал!

– Под дурака косишь?! – не вскрикнул, взвизгнул Фраеров.

Диакон как-то и не обратил внимания на то, что в углу кабинета разваливался на стуле тоже, как и Яков, одетый во френч верзила. Он со спины бесшумно подошел к диакону и, резко взмахнув руками, ударил того по ушам. С поплывшим звоном в голове Суворов скоро оклемался и мощной своей ручищей достал обидчика.

На вопль Фраерова прибежали из коридора еще трое. Свалили диакона на пол и принялись охаживать пинками.

– Все равно назовешь всех! – удовлетворенно проскрипел Яков.

– Помогите, Господи! – корчась от боли, простонал диакон.

Просфорница к полудню вернулась с рынка и заохала, чуть ли не запричитала:

– Бежать тебе надо, батюшка, скрываться! Люди говорят, что вчера ночью отца Василия Аполлосова арестовали, увезли в воронке. И до тебя ведь доберутся нехристи, раз взяли за вашего брата. Пока не ведают, видно, что ты тут живешь, а не по старому адресу. Так же узнается! Поторопись!..

Старушка сразу стала прикидывать: где бы отцу Николаю от «анти-христов» укрыться, но вскоре раскисла беспомощно квашней, развела руками – у самой ни родни, ни надежных знакомых.

– Ладно, не переживай, – успокоил хозяйку священник. – Куда мне деваться? Будь что будет, как рассудит Господь!..

Отец Николай в последние дни не отходил от домика далеко – едва держали разболевшиеся ноги. Он сидел на ступеньке крылечка, провожая подслеповатым взглядом прохожих. Сыпала уже первой листвой подступающая осень, но ощущалось еще летнее тепло, приветливо поднималось солнце в белоснежной дымке редких облачков на прозрачно-голубом небе. И сегодня было тихо, умиротворенно, и вовсе не верилось, что где-то в тюрьме страдает отец Василий Аполлосов.

Старик, опираясь на клюку, выбрел на улочку, на перекресток. Народу в будний день было немного. Завидев священника, молодежка криво ухмылялась, люди постарше виновато отводили в сторону глаза и старались обойти батюшку сторонкой, лишь старушонки смело подходили под благословение и справлялись о здоровье.

И здесь, на перекрестке, с отцом Николаем едва не столкнулся нос к носу родной сын. Он куда-то спешил со своим семейством: две девушки, ухватив папу за руки, едва поспевали за ним. Увидев отца, сын заозирался, что-то испуганно дрогнуло в его лице. Он едва заметно кивнул и ускорил шаги. «Деда, деда!» – оглядываясь, лепетала младшая внучка.

Отец Николай проводил горестным взглядом сутуловатую спину сына. Хотел его видеть священником, продолжателем родовой череды иереев Божиих, но сын не захотел идти в семинарию, в университете учиться задумал, одним из первых учеников окончив школу. Но из-за происхождения поповича туда не взяли, только в местное педучилище удалось поступить.

Отец Николай не стал перечить или запрещать отпрыску. Единственный сын был, долгожданный. Не хочет пока быть священником, может, потом образумится. В алтаре с малолетства прислуживал, вместе с отцом Богу молился.

Можно было, как настоятель соседнего храма отец Георгий, своей волей всех четырех сынов в попы поверстать, замолвив перед архиереем словечко. Но теперь их всех тоже власть в тюрьму упрячет, раз такое гонение на духовенство началось.

«А моего-то, простого школьного учителя, может, страданий чаша сия минует, – думал отец Николай. – Отрекся от родного отца, своего священнического рода. Публично, через газету. Душой понимаю – выжить хочет, дочек своих сохранить и вырастить. Да и заставили его, наверное! Но неужели все-таки добровольно решил, сам?!»

Когда кто-то принес газету с сыновьим отречением, старик, нацепив на переносицу пенсне, взгляделся в печатные строчки и обмер сердцем. За что?! Да еще и за дочерей-несмышленишей заодно. И... простил сына отец Николай – значит, так надо было. Но все равно осадочек обиды на душе остался, осел неприятно. Хотя и умом все понятно, но...

Уж слишком быстро сын припустил от перекрестка прочь; отец Николай ждал и гадал: обернется – не обернется? Не оглянулся...

– Прощай, сынок, и прости! Может, больше и не увидимся!..

За стариком пришли той же ночью. Он как предчувствовал, даже не прилег, сидел под иконами в красном углу горницы в своем заношенном, заплатанном подряснике...

В полуподвальной камере тюремного «замка», сырой и холодной, хрупкое и без того здоровьишко отца Николая сдало. Он чувствовал, что с грубо сколоченных голых нар скоро будет не в силах подняться. Но не давали окончательно пасть духом томившиеся здесь же, в темнице, отец Василий Аполосов и сельские батюшки из района. Всех отец Николай знал.

Под утро двое конвоиров приволокли, подхватив под мышки, избитого диакона Суворова.

– Вот вас, длинногривые, что ожидает! – уронив бедолагу на пол, хмуρο бросил один.

– Это еще цветочки! – хохотнув, добавил другой.

Дверь захлопнулась, проскрежетал запор. Узники подняли Суворова и положили на нары рядом с отцом Николаем. Старик, чуть не плача, шептал молитвы, обтирая тряпицей его раны и ссадины.

Скоро дошел черед и до отца Николая. Сам ходить он не мог, распухли ноги, и конвоиры волоком утащили его на допрос.

Молодой следователь, хищно ухмыляясь, косил черным глазом:

– Ты, поп, все наше семейство крестил! И родители мои меня во младенчестве притащили к тебе в церкву в купель окунать. Они люди темные были, несознательные. А я – коммунист, большевик, в ваш религиозный дурман не верю!.. Рассказывай, старик, что ли, как вы гражданина Суворова отправили в Москву, якобы какую-то цидулку отвезти скрытно. А на самом деле для связи с руководством контрреволюционной террористической организации. Получить для вашей местной ячейки указания и инструкции для подрывной работы в массах и подготовке терактов. И гражданин Василий Аполосов по всему – ваш главарь...

Следователь еще что-то монотонно, точно заведенный, долдонил и долдонил, пока резко не оборвал свой монолог; встал из-за стола и, склоняясь к самому уху отца Николая, предложил:

– От веры я тебя отречься не заставляю. Только вот бумагу подпиши, что обо всем знал, подтверждаешь, хотел сообщить куда надо, но не успел. Снисхождение тебе будет, отпустим домой как немощного, да и мои родители этому порадуются. Ну?! Нет?!

Следователь глядел пристально на сникшего, дышащего на ладан священника, и, может, что-то дрогнуло в его душе, хотя вряд ли. Черной уж, видать, слишком она была, потому и продолжил резко:

– Посиди пока еще в камере, подумай! Тройка на днях вашу судьбу решать будет, так что поторопись! Приговор суров: высшая мера. А я тебе помочь хочу, и, глядишь, поживешь еще, покоптишь небушко!..

Отец Николай, после того как его притащили в темницу конвоиры, больше с нар уже не вставал. Никому ничего не отвечал, шептал только как молитву:

– Господи! Уж если призовешь всех нас к себе, меня, одного, не оставь! Со всеми вместе возьми, чтоб за Иуду не посчитали!

Отец Василий приложил ухо к его груди:

– Отходит ко Господу батюшка! Надо читать отходную!
– Да и нам-то долго ли осталось? – едва шевелил разбитыми запекшимися губами диакон Александр. – Жаль, что над нами некому ее будет прочесть...

10

...Мишка выбор Артура одобрил, хотя поначалу, увидев рослую фигуру Клавы, попятился пугливо. Но, когда сообразил, почему эта незнакомая дама обретается тут, и, окинув беглым взглядом затянутые в джинсу ее выпуклые стати, взвизгнул восторженно и заскакал по ступенькам крыльца, норовя потрясти ее за руку, а то и в щеку подпрыгнуть да чмокнуть.

Естественно, Мишка был навеселе да еще и пол-литра с собой прихватил. Залудив стаканчик-другой, осмелел, куда и стеснительность в присутствии дамы подевалась. Говорил-бормотал, как обычно, о каких-то пустяках и вдруг, вполне здраво, заявил:

– Вы тут милуетесь, а знаете, что могилу расстрелянных попов на Поповых горах нашли?! И прадед там наш! Указал кто-то из старожилов, перестал бояться. И расстрельный список будто бы в архиве нашли. Поклонный крест добрые люди поставили. А мы, родственнички-потомки, спокойно сидим себе да ни о чем не ведаем! Вот за этим самым! – и Мишка выразительно щелкнул ногтем по опорожненной посудине...

Договорились идти на следующее утро: Мишка похвалился, что разузнал толком, как к тому месту пройти.

Вот только он, бедолага, проспал. Время близилось уже к полудню, когда миновав городскую окраину, мимо старинного погоста с возвышающимся посреди остовом полуразрушенного храма, вышли к Поповым горам.

Горами эти холмы местные жители именовали с большим натягом. Приземистые, с плоскими широкими наверх холмы чередой тянулись от города к лесу; у подножия их в низине летом вязла в тине мелкая речушка. Пологие склоны горок возле городской окраины были распаханы под картофельные поля, и Артур с Клавой вслед за Мишкой долго еще брели по петляющей между «плантациями» дороге.

Но вот кончились и поля, и дорога оборвалась в густых зарослях ивняка и олешиника. Потянуло застоялым терпким духом близкого болота. В сумраке чащобы болтливый проводник заплутал, не скоро нашел протоптанную тропу. По ней пришлось идти, отодвигая руками норовившие хлестнуть по лицу ветки подлеска. К тому же солнце в безобидно-безоблачном чистом небе неожиданно заволокла невесть откуда наплывшая темно-лиловая туча. Потемнело, почти как поздним вечером. Вдобавок, тропинка, вывернув из чапарыжника, уперлась в глухую стену ельника. Там было совсем сумрачно.

Мишка вскоре вдруг воскликнул обрадованно:

– Всё! Пришли!

Открылась небольшая росчисть – поляна, и посередине ее возвышался деревянный крашенный черной краской крест. На сложенных в кучу у его подножия камней досыхали букеты увядших цветов; венок с пожелтевшей еловой хвоей упал, сорванный ветром, на землю.

– Вот здесь их всех и порешили... – перекрестился Мишка.

Клава поправила букеты, поставила на место венок.

– Цветов нам надо было бы принести, не догадались, – вздохнула укоризненно.

Артур стоял, не проронив ни слова... Увиделось ему до жути ясно: на месте креста – высокие завалы карминно-красного оттенка песка на стороне огромной ямы, зловеще чернеющей среди пожухлой, сбившейся в валки осенней травы.

Туда, к яме, служивые в фуражках с красными звездами влечат двоих, привязанных друг к другу, в грязном длиннополом тряпье людей с изможденными, со следами побоев, лицами. Подтащив несчастных к самому обрыву, палачи торопливо отскакивают назад, и тотчас раздаются хлопки выстрелов.

Тут же волокут другую пару связанных, стенающих и бормочущих молитвы, снятых с оставленной невдалеке телеги, и опять щелкают сухо револьверы.

Из телеги раздаются стоны, даже рыдания ждущих своей участи приговоренных узников.

Командир отряда, черноусый курчавый крепыш, с усмешечкой вопрошает у несчастных:

– Ну, что, длинногривые, есть желающие от вашего боженьки отречься? Авось да помилуем!

Ответа он не дождался.

Потащили к яме и последних, больше прочих истерзанных и избитых.

– Отец диакон, прощай! Прости, если чем обидел! – едва слышно разбитыми спекшимися губами вымолвил один.

– Бог простит! Встретимся скоро у Господа, отец настоятель! – успел ему ответить другой.

Из вытащенной из телеги канистры конвоиры по очереди плескали в жестяную кружку спирт и, хлобыстнув, занюхивали рукавом гимнастерки.

– Помянули?! – все так же, жестко усмешливо, спросил слегка подзахмелевший командир. – Теперь за другую работенку беритесь!

Молча, икая от выпивки, палачи принялись зарывать свои жуткие следы. Лопаты часто замелькали в их руках, засыпая яму. Сверху все аккуратно прикрыли нарезанными заранее пластушинами дерна. Потом дружно завалились в телеги и диким гиком, погоняя лошадей, умчались, страшась оглянуться.

Может, кто-то из них дожил до наших дней и, немощный, на смертном одре поведал о том тайном и страшном месте...

Артур все еще недвижно, в раздумье, стоял перед крестом, упавших первых капель дождя даже не ощутил.

Как с таким грузом на душе жили их, Артура и Мишки, матери – дети отрекшихся от отца-священника родителей, всю жизнь боявшиеся, что кто-то узнает об этом родстве, и тогда отлаженная спокойная повседневность жизни нарушится, нагрянут бури и невзгоды. Все дальше со временем совесть, наверное, пуще и пуще грызла сестер, но сыновьям своим они словечком об этом не обмолвились. Так и вошли Артур и Мишка в зрелые лета в полном неведении, из какого они рода да откуда.

Узналось теперь, что здесь под спудом земли в братской могиле покоятся и косточки прадеда, без вины убиенного. Да нет, вина-то его для палачей была, и одна – вера в Бога...

Из обложившей небо, низко нависшей тучи просыпался дождь, мелкий и нудный, по-осеннему затяжной. Все усиливаясь, он кропил

и кропил согбенные жалкие человеческие фигурки, спешащие друг за другом по дороге к Городку.

11

Подвыпивший Мишка, покачиваясь, заплетая ногами, решил сократить путь до дому через Пушкинский парк.

Был час поздний, темень, но Мишку это не смутило. В садовой аллее впотьмах можно запросто зацепиться о вылезший на тропу древесный корень, не слабо шмякнуться оземь, но пьяному море по колено. Тем паче за пазухой приятно побулькивала поллитровка паленки, выморщенная на последние копейки и наполовину в долг у подпольной местной торговли.

Прежде чем свернуть в парк, Мишка, раскачиваясь на раскоряченных ногах, долго пялился на больничные окна на другой стороне улицы. Нигде не мелькало ни огонька, постояльцы видели не первые сны, но Артур наверняка прогуливался где-нибудь возле больницы в сумерках. Положили его на днях опять на обследование. И Клава, как всегда, была рядом с Артуром, придя попроведать. Мишке показалось даже, что знакомые фигуры появились у больничного забора.

«Да ладно, что им мешать!» – Мишка собирался окликнуть их, но раздумал. Больно хорошо грела бочок под полрой бутылочка.

Он свернул в сумрак парка и тут же столкнулся с компанией парней. Подростки, а на голову выше. Мишка мотнулся в сторону, норовя их обойти, да не тут-то было. Долговязый парень заступил дорогу и, не церемонясь, заехал ему в глаз. После такого тычка слабосильный Мишка опрокинулся бы назад себя, как если бы ши пролил, но, ошеломленному, ему не дали упасть другие малолетки пожиже. Ухватили под локти и давай шарить по карманам. Попридя в себя, Мишка даже ухмыльнулся: зря, голубчики, стараетесь, но когда нащупали у него за пазухой бутылку, понял – дело худо! Вывернулся из рук грабителей и хлюпнулся ничком на тропу, закрывая грудью посудину. Мишку, может быть, с досады пнули б еще пару раз и отстали – что с опойка взять, но кто-то сообразил, что неспроста жметесь к земле мужичонка.

– Да у него пузырь! – крикнул догадливый. – Отдай!

Седую башку Мишки и его бока волтузили пинками, кто-то упитанный даже попрыгал на бедняге, сокрушая ему ребра, и, когда скрюченного от боли Мишку перевернули, под очередным пинком лопнула внутри его тела застарелая язва-болячка. Он согнулся в дугу и из последних сил надрывно, по-волчьи, взвыл. Но посудину так и не смогли выдрать из его сцепленных в смертной судороге рук. Или не успели.

– Атас, пацаны! Артур! – крикнул кто-то, как в школьном прокуренном туалете, и грабители бросились врассыпную.

Мишка еще был жив, когда подбежавший Артур склонился над ним. Прошептал разбитыми губами еле внятно:

– Прости, брат! Может, и Бог простит мою жизнь непутевую...

Дернулся и затих навсегда.

12

В храме литургия уже завершилась. Богомольцы, в основном бабушки, закутанные в черные платки, собрались у поминального кануна, заставленного зажженными свечами.

Клава и Артур с зажатыми в ладонях свечками пытались к нему потихонечку протиснуться. Собрались помянуть бедолагу Мишку: девятый день. Артур о таких тонкостях не ведал; Клава же поутру, повязав голову черной косынкой, потянула его в храм: «Обязательно свечу за помин души поставит. Брат же твой, поминка просит!»

Пока Клава за лавкой покупала свечи, подавала записки, Артур топтался в притворе храма, больше всего опасаясь встретить кого-нибудь из знакомых. «Из школы-то точно здесь никого нет!» – успокаивал он себя.

Наконец, удалось протиснуться к кануну. Вслед за Клавой Артур тоже перекрестился – неумело и впопыхах, неуклюже толкнув кого-то локтем.

Вышел из алтаря с дымящим кадилом в руке священник, началась панихида.

– Со святыми упокой, Господи, раба Твоего! – шептала Клава, вторил ей и Артур...

Когда все завершилось и люди, крестясь, стали выходить из храма, Артура кто-то негромко окликнул.

Учитель истории, первогодок!

– Рад вас видеть здесь, Артур Александрович! – смущаясь, сняв очки и без толку крутя их в пальцах, уставился на Артура беспомощными близорукими глазами молодой коллега. – Я, бывает, захожу в храм, но за год ни одного педагога из нашей школы здесь не встретил. Помянуть пришли новомучеников местнотчимых?

И тут же сам ответил на недоуменный взгляд Артура:

– Священников, на Поповых горах расстрелянных. Сегодня их память Церковь отмечает.

Перед глазами Артура вдруг предстал высокий крест над камнем на полянке в глухом еловом урочище; на камне том, заваленном увядшими цветами и венками, табличка с именами мучеников. Потом представилось – низко нависшие тучи, непроглядно затянувшие небо, заполошный ливень и бегущие по раскисшей полевой дороге три ссутуленные и жалкие людские фигурки...

А юный учитель, водрузив на веснушчатый нос очки и казавшийся теперь более солидным, рассказывал дальше:

– Они в этом храме служили... В тридцать седьмом году здесь, возле стены храма, власти задумали железнодорожную ветку проложить. Понятно, что и храм бы закрыли, а потом и здание бы его разрушили. А отцы честные в защиту письмо сочинили и с подписями прихожан в Москву в приемную самого Калинина так сумели доставить, что местные энкавэдэшники прозевали перехватить. Зато в отместку они обвинили священников в контрреволюционном террористическом заговоре и подвели под расстрел... Но самое интересное и удивительное! То ли письмо в руки Калинину попало, и распорядился он храм не трогать, а скорее всего, сам Господь помог по молитвам – отменили прокладку ветки, в другое место перепланировали. А уж памятники и кресты с погоста бульдозером начали сносить... И вот стоит храм во славу Господню, молятся люди...

Уже на обратной дороге Клава, словно спохватившись, как-то странно поглядела на Артура и спросила:

– А Мишка-то хоть крещеный был?

– И я, хочешь спросить? Крещеный! – ответил Артур. – Крещены мы были оба во младенчестве, втайне от отцов – узнал Мишка от матери.

И меня по-православному Николаем нарекли... Помнишь тот поклонный крест на Поповых горах? Прощения нам надо просить у тех, кто под ним безвинно лежит! За наше беспамятство.

13

Клава бежала к Артуру со всех ног.

Горячи и грустны были эти встречи – не молоденькие уже!

Дома Клаву провожал презрительным и сожалеющим взглядом приемный сын. Если мамка, забежав после работы, наскоро прихорашивается перед зеркалом и, пряча глаза, вскоре исчезает, значит, опять завелся у нее кто-то, ищет она свое счастье.

Парень потчевал супишком малолеток – названных братьев, загонял их делать уроки. Все знали: мать вернется под утро, виновато расцелует всех, полусонных. Что, станешь ей дерзить?! Детдомовец, один на свете как перст, куда пойдешь, коли на дверь укажет? Она, когда что не по ней, любого скоро на место воткнет хоть в приюте, хоть и дома.

Да и очередное увлечение у нее быстро пройдет: то ли свежеиспеченный ловелас выдохнется, то ли сама заскучает с ним, с тем, у которого одно на уме. И опять будет ходить замкнутая, задумчивая, с потухшими глазами...

У них с Артуром первоначальное горячее времечко схлынуло. Теперь, часто молча, понимая друг друга без слов, обнявшись, сидели они на старой лавочке в кустах ивняка на берегу, прислушивались к тихому журчанию воды на речных перекатах. Прилепилась душа к душе, сами не заметили и как – бывает же такое!

Клава, склонив голову, прикладывала ухо к груди Артура, чутко вслушиваясь, потом виновато заглядывала ему в глаза. Все в округе знали о его болезни, земля слухом полнится.

Артур грустно улыбался, подбадривая:

– Не расстраивайся, я буду жить вечно! Врач сказал, что еще не все потеряно. Операция предстоит, надежда есть. Поживем еще.

– И я с тобой! – отвечала Клава. – Сколько бы ни осталось...

И, казалось, не умудренные и побитые жизнью люди сидели в обнимку на лавочке, а юные влюбленные, у которых все еще было впереди...